

— А давай дядя тебя проверит, Сяо Цзинси. О чём нужно помнить, когда идёшь гулять?

— Нужно... помнить... о безопасности! И слушаться маму!

— Какое умное сокровище.

Сяо Цзинси немного порадовался похвале, а потом вдруг обнял Бай Муюня.

— Дядя, если тебе будет грустно, обязательно скажи папе или маме, ладно?

Бай Муюнь на мгновение замер.

— А что, если я не хочу им говорить?

— Тогда скажи жене! Дядя, а у тебя есть жена? — Сяо Цзинси уставился на него во все глаза.

— Мама говорит, что, когда на душе плохо, нужно поделиться с самым важным человеком. Тогда грусть сразу исчезнет.

«Жена...» — Бай Муюнь невольно вспомнил о Лу Яне, и он посмотрел на него с нежностью.

— Самый важный человек? Да, такой есть.

— Ух ты! Завидую тебе, дядя! — восторженно воскликнул малыш.

— Чему же тут завидовать?

— Мама сказала, мне нужно расти ещё целых пятнадцать лет, прежде чем у меня появится жена, — Сяо Цзинси забавно надул губы, но тут же с любопытством спросил: — Дядя, а твоя жена — она суперкрасивая и суперсильная? Ну, как Трансформер?

Бай Муюнь не выдержал и рассмеялся, ласково потрепав мальчишку по голове.

— Ну ты и чудо.

— Моя... «жена» — и впрямь невероятно красивый и сильный человек, но на Трансформера он совсем не похож. — Бай Муюнь улыбнулся. — Знаешь, он скорее как маленький небожитель.

— Ого! А тётя умеет колдовать? — Сяо Цзинси от изумления даже рот раскрыл.

— Ещё как, — продолжил подыгрывать Бай Муюнь. — Стоит дяде его увидеть, как всякие монстры и страшилища вокруг в ужасе разбегаются.

В этот момент к дверям офиса подошла Сяо Синъи. Услышав смех двух «детей», она заглянула внутрь.

— О чём это вы так весело болтаете?

Заметив мать, Сяо Цзинси просиял и, указывая на Бай Муюня, возбуждённо закричал:

— Мама, мама! У дяди жена умеет колдовать!

Сяо Синъи едва заметно поморщилась, подумав: «Ну и бред». Наверняка Бай Муюнь опять морочит голову её наивному сыну. Забирая ребёнка, она мельком спросила:

— И когда это ты успел обзавестись женой?

— Скоро обзаведусь.

— Ого, — искренне удивилась она. — Даже слухов никаких не было. С неба свалилась, что ли?

— Точно! — встрял Сяо Цзинси. — Тётя — маленький небожитель! Она прилетела прямо с неба!

Бай Муюнь погладил мальчика по макушке, переводя тему:

— Вы вроде гулять собирались?

— Ах, да. Мы пойдём.

— Удачи.

Оставшись один, Бай Муюнь откинулся на спинку кресла и долго смотрел в потолок. Желание увидеть Лу Яня стало невыносимым. Он взял телефон и перебронировал билет до города К на сегодняшний вечер.

Выйдя из офиса, он заглянул к Хуа Ваньцин. Коротко бросил, что улетает, и, не дожидаясь расспросов, стремительно направился к выходу.

Ему не терпелось. Каждая секунда казалась лишней.

По пути домой Бай Муюнь старался держать скорость на грани фолла. Спустя некоторое время он заметил в зеркале заднего вида машину, которая следовала за ним подозрительно долго.

«Папарацци?» — нахмурившись, он перестроился в другой ряд. Машина повторила манёвр, даже не пытаясь его обогнать.

Бай Муюнь пристально следил за преследователем. Водитель позади то и дело вилял, на нём были тёмные очки и маска. Будь это обычный репортёр, к чему такая маскировка?

На ближайшем перекрёстке Бай Муюнь резко свернул, меняя привычный маршрут. Он помрачнел, прикусил губу и резко прибавил газу. Преследователь не отставал.

Сделав ещё несколько крутых поворотов, Бай Муюнь всё же сумел запутать хвост и оторваться.

Остановившись на красный свет, он набрал Чжун Ина.

— Брат Чжун, узнай для меня, чем сейчас занят Дуань Цянь. Он ведь недавно вышел на свободу.

Спустя два часа Бай Муюнь взял надрывающийся телефон, одновременно отпивая воду из стакана.

— Да, брат Чжун.

Голос на том конце провода что-то быстро объяснял. Бай Муюнь заледенел.

— То, что его мать арестовали за мошенничество, — это её проблемы. Какое отношение это имеет ко мне?

— Не знаю. Говорят, Дуань Цянь совсем безумел, когда узнал. Он утверждает, что это твоих рук дело. Теперь он тебя ненавидит и клянётся уничтожить твою репутацию.

— Понятно.

— Он сейчас в тупике и может быть опасен. Береги себя.

— Я понял. Присмотри за Синьи, а я... я буду осторожен.

Бай Муюнь не знал, что замышляет Дуань Цянь, и пока не мог ничего предпринять. Оставалось только ждать и не терять бдительности.

В тёмной комнате одинокая фигура, сжавшись в комок, дрожала от беззвучных рыданий. Холодный лунный свет падал из окна, окутывая силуэт бледным саваном.

Лу Янь судорожно вцепился в собственные волосы.

— Уходите... уходите! Не надо... не приходите больше... Оставьте меня! Прошу вас... — Мучительные, хриплые звуки вырывались из его горла вместе с подавленным плачем.

Он поднял голову. Глаза, покрасневшие и опухшие от слёз, выражали отчаяние и боль. Вдруг он закрыл лицо руками и рассмеялся — жуткий, ненормальный смех гулко отразился от пустых стен.

Оборвав смех, Лу Янь стиснул зубы. Он был охвачен безумием. Он нащупал лежащий рядом нож для фруктов и поднёс остриё к предплечью. Сталь почти коснулась кожи, оставались доли миллиметра...

В дверь постучали. Нож беззвучно упал на мягкий ковёр.

Бай Муюнь стучал три минуты, прежде чем за дверью послышалось движение.

Лу Янь открыл. Свет в номере был выключен, и большая часть его фигуры скрывалась в тени.

— Почему ты здесь? — В его охрипшем голосе прозвучала неприкрытая радость.

Бай Муюнь шагнул вперёд, тревожно вглядываясь в темноту.

— Ты простудился? Голос совсем сел.

Рука Лу Яня на дверной ручке судорожно сжалась. Он отступил вглубь комнаты, растворяясь во мраке.

— Нет.

— Почему свет не включаешь?

— Зачем ты приехал? — снова спросил Лу Янь.

Бай Муюнь видел только блеск его глаз в темноте. Он произнёс тихо и нежно:

— Соскучился по тебе.

Фигура в темноте замерла. Внезапно Лу Янь втянул Бай Муюня внутрь, захлопнул дверь и, прижав его к стене, с яростной жадностью впился в его губы.

Бай Муюнь на мгновение опешил, но тут же ответил на поцелуй. Он обхватил затылок Лу Яня ладонью, а другой рукой крепко прижал его к себе за тонкую талию.

Это было нежное, но властное завоевание. В полной темноте они не видели лиц друг друга, но слышали учатившееся сердцебиение и прерывистое дыхание. Температура в комнате, казалось, стремительно росла.

Рука Лу Яня скользнула ниже, но Бай Муюнь вовремя перехватил её. Он отстранился, тяжело дыша.

— Янь-эр, не играй с огнём.

Лу Янь прикусил его шею, прошептав тягуче и с явным придыханием:

— Я тоже по тебе скучал. Давай сделаем это?

Бай Муюнь чувствовал: сегодня с Лу Янем что-то не так. Он не принял предложение, а вместо этого включил свет. Спустя пару секунд, когда глаза привыкли к яркости, он взглянул на лицо парня. Лу Янь попытался отвернуться, но Бай Муюнь не позволил.

Он осторожно взял его лицо в ладони, проводя большим пальцем по векам.

— Ты плакал? Глаза совсем опухли.

Лу Янь молчал, лишь преданно и тихо смотрел на него. Бай Муюнь коснулся губами его лба.

— Расскажешь мне, почему ты плакал?

— Кошмар приснился, — едва слышно ответил Лу Янь, обнимая его за талию.

— И что же там было?

— Будто ты бросил меня.

Бай Муюнь погладил его по голове и негромко усмехнулся.

— И это всё?

— Для меня этого достаточно. Мы ведь... просто флиртуем.

— И что мне делать после того, как мы только что целовались?

Глаза Лу Яня мгновенно просветлели.

— Ну, Киноимператор Бай, теперь вам придётся нести за меня ответственность.

— Что ж, придётся нести, — притворно вздохнул тот.

— Значит, меня повысили? — уточнил Лу Янь.

— Повысили. Теперь ты мой парень.

Лу Янь потерся щекой о его плечо. Мягкие волосы коснулись уха Бай Муюня, заставив его сердце дрогнуть.

Они посидели на краю кровати. Случайный взгляд Бай Муюня упал на пол, и он вздрогнул.

— Откуда здесь нож?

Лу Янь похолодел. Он молниеносно подобрал нож и, незаметно для Бая, ногой задвинул под кровать выкатившийся из угла пузырёк с таблетками.

— Наверное, случайно уронил.

Бай Муюнь убрал нож на высокую полку, где его нельзя было задеть случайно.

— Не разбрасывай такие вещи, это опасно.

— Хорошо-хорошо.

Бай Муюнь дождался, пока Лу Янь уснёт. Он долго всматривался в его лицо — во сне тот казался совсем беззащитным. Взгляд Бая был полон сложной смеси нежности и боли. Наконец он бесшумно подошёл к другой стороне кровати и достал из-под неё пузырёк.

Прочитав название препарата, он замер. Он прищурился.

Бай Муюнь вышел из номера Лу Яня. В руках он сжимал тот самый нож. Вернувшись к себе, он бросил его на комод и застыл на диване. Спустя десять минут он взял телефон и отправил сообщение Цзинь Фэйфэй:

«Слёзы, нож, антидепрессанты. Что ещё вы от меня скрываете?»

Через полчаса пришёл ответ.

Цзинь Фэйфэй: «Что случилось? У него опять рецидив?!»

Бай Муюнь: «Нам нужно серьёзно поговорить».

После этого Фэйфэй замолчала.

Бай Муюнь долго смотрел на экран, а потом в ярости швырнул телефон. Аппарат спружинил на ковре и затих.

Он накинул куртку и вышел в коридор, громко захлопнув дверь.

Час ночи. Улицы маленького городка были пусты. Бай Муюнь достал сигареты. В ночной тишине огонек тлел, то разгораясь, то затухая, а лунный свет удлинял его одинокую тень. Раньше он не любил курить, но в последнее время делал это всё чаще. Из-за Лу Яня.

Его не покидало предчувствие: двенадцать лет назад с Лу Янем случилось что-то ужасное. И, вполне возможно, это было связано с ним самим.

А он ничего не знал. Был не в курсе. Оказался бессилен.

Прошло столько лет, но это чувство собственной беспомощности приводило его в ярость.

Сам не замечая куда идёт, он оказался перед дверями ночного кинотеатра. Помедлив, он надел маску и вошёл.

На афише значился фильм «Пасть тигра». Первая работа Лу Яня.

Чу Лиань как-то упоминал, что это кино о депрессии. Тогда Бай Муюнь не придавал этому значения, погружённый в свои сомнения по поводу их сотрудничества.

«Больные депрессией страдают. Мучительно, невыносимо. Каждый день они сражаются с монстром внутри, пытаясь выбраться из пасти тигра. Кто-то спасается. Кто-то навсегда исчезает в этой пасти».

Блики экрана отражались в глазах Бай Муюня. Он не отрываясь смотрел фильм, пока длинные ресницы отбрасывали тень на его лицо.

Герой фильма пугающе напоминал Лу Яня. Отец-тиран, лучший друг, перед которым он всегда изображал безоблачное счастье, скрывая тьму внутри. И день, когда этот единственный друг его оставил...

Герой вырос. Он лечился у врачей и сам создал группу помощи для таких же, как он. Он использовал свой горький опыт, чтобы спасти других. В фильме были и слёзы, и надежда, и жестокая реальность. Кто-то выбирался к свету, кого-то поглощала мгла.

Когда титры закончились, Бай Муюнь вышел на улицу.

Съёмочная группа жила в глухом захолустье. Здесь не было огней большого города или роскошных отелей. Только пустая ночная дорога.

Шаги Бай Муюня гулко отдавались в тишине. Он шёл обратно, и взгляд его был пуст.

Лу Янь не говорил ему о своей болезни прямо. Но теперь, после фильма, Бай Муюнь понял: Лу Янь звал на помощь. Это кино было его зашифрованным криком.

Горьким, едва слышным криком.

А он заметил это только спустя два месяца после их встречи.

Он ведь даже спрашивал Лу Яня, не болен ли тот.

«На самом деле это я болен», — подумал Бай Муюнь.

<http://bllate.org/book/18159/1759299>